

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-10-20>

УДК 347.51:004.8

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛИКТНОГО ПРАВА РОССИИ И ЕС,
ОБОСТРЕННЫЕ РАЗВИТИЕМ СИСТЕМ ИИ

Алимова А.А.

Московский государственный институт международных отношений (университета) МИД России

Аннотация: системы искусственного интеллекта применяются в транспорте, медицине, кредитовании, управлении персоналом и создании контента, и по мере их распространения растет число случаев причинения вреда. Право России и Европейского союза пока не дает системного ответа на вопрос о том, кто и на каких условиях должен такой вред возмещать. Проект директивы Европейского парламента и Совета ЕС об адаптации правил внедоговорной гражданско-правовой ответственности к искусственному интеллекту (AILD) в 2025 г. был отозван, а российский Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» решает вопрос ответственности отсылкой к общему законодательству. Цель исследования состоит в выявлении технико-юридических признаков систем искусственного интеллекта, значимых для деликтного права, и тех проблемных вопросов современного деликтного права, которые эти признаки обостряют. Задачи: сопоставить легальные, этические и доктринальные определения систем искусственного интеллекта и смежных понятий; выделить признаки систем искусственного интеллекта, имеющие деликтно-правовое значение; оценить их влияние на основание и условия деликтной ответственности; определить круг проблемных вопросов. Методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, системный анализ и обобщение. Результаты: обоснован функциональный подход к понятию системы искусственного интеллекта и предложено его рабочее определение для целей деликтного права. Выделены девять технико-юридических признаков, объединенных в две группы, и показано, на какие элементы механизма ответственности воздействует каждая из них. Установлено, что структура состава деликта сохраняется, однако установление каждого условия ответственности существенно усложняется. Выводы: развитие систем искусственного интеллекта обостряет пять групп проблем деликтного права: разрыв между лицом, контролирующим риск, и лицом, обязанным возместить вред; доказательственный разрыв; отсутствие эталона должного поведения; смещение вреда в слабо защищенные области в сочетании с его серийностью; конкуренцию деликтных режимов. Решение данных проблем следует искать в перенастройке основания вменения, субъекта ответственности и имущественного обеспечения в рамках действующей системы деликтного права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система искусственного интеллекта, деликтная ответственность, технико-юридические признаки, противоправность, причинная связь, вина, бремя доказывания, Директива (ЕС) 2024/2853, Регламент (ЕС) 2024/1689.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMATIC ISSUES OF MODERN TORT LAW OF RUSSIA AND THE EU AGGRAVATED
BY THE DEVELOPMENT OF AI SYSTEMS

Aleksandra A. Alimova

MGIMO University

Abstract: artificial intelligence systems are used in transport, healthcare, lending, recruitment and content creation, and their spread is accompanied by a growing number of cases of harm. Neither Russian nor EU law offers a systematic answer to the question of who should compensate such harm and on what conditions. The proposed EU AI Liability Directive was withdrawn in 2025, while Russian Federal Law No. 243-FZ of 2026 deals with liability only by reference to general legislation. The object of the study is to identify the technical and legal features of AI systems that matter for tort law and the problems of modern tort law that these features aggravate. The research objectives are to compare legal, ethical and doctrinal definitions of an AI system and related concepts; to single out the features of AI systems relevant to tort law; to assess their impact on the basis and conditions of tort liability; and to identify the resulting problems. The research methods include the formal legal, comparative and historical legal methods, systemic analysis and generalisation. The findings support a functional approach to the concept of an AI system and propose a working definition for tort law purposes. Nine technical and legal features are identified and grouped into two clusters, and the elements of the liability mechanism affected by each cluster are shown. The structure of the tort remains intact, yet establishing each condition of liability becomes considerably more difficult. Conclusions: the development of AI systems aggravates five groups of problems in tort law: the gap between the person controlling the risk and the person obliged to compensate; the evidentiary gap; the lack of a benchmark of due conduct; the shift of harm towards weakly protected

areas combined with its serial nature; and the competition of tort regimes. Solutions should be sought in recalibrating the basis of attribution, the liable subject and financial security within the existing system of tort law.

Keywords: artificial intelligence, AI system, tort liability, technical and legal features, wrongfulness, causation, fault, burden of proof, Directive (EU) 2024/2853, Regulation (EU) 2024/1689.

Funding: Independent work.

Введение. Системы искусственного интеллекта (далее также ИИ) за короткое время вошли в повседневный гражданский оборот. Вслед за распространением технологии растет число случаев, когда ее применение заканчивается вредом: от гибели пешехода под колесами беспилотного автомобиля Uber в 2018 г. до дискриминационных отказов алгоритмов и порочащих сведений, созданных генеративными моделями.

Деликтное право России и государств-членов ЕС сложилось задолго до появления подобных систем. Его классическая конструкция, включающая вред, противоправность, причинную связь и вину, уже не раз приспосабливалась к новой технике, от железных дорог до атомной энергетики [20, с. 31-36]. Применительно к ИИ такая адаптация пока не завершена. Ни один из двух правовых порядков не дает системного ответа на вопрос, кто и при каких условиях должен возмещать вред, причиненный при использовании системы ИИ.

В Европейском союзе Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте закрепил публично-правовые требования к таким системам, однако вопросы возмещения вреда в его предмет не входят [33]. Проект директивы об адаптации правил внедоговорной ответственности к ИИ, внесенный в 2022 г., в 2025 г. был отозван. Прямо распространяется на системы ИИ только режим ответственности за дефектную продукцию по Директиве (ЕС) 2024/2853, которую государства-члены обязаны имплементировать до 9 декабря 2026 г. [27]. Регламент (ЕС) 2026/1744 перенес начало применения требований к высокорисковым системам на 2 декабря 2027 г. и 2 августа 2028 г. [34]. Тем самым отодвинулось и появление подробных стандартов поведения, на которые могли бы опираться суды.

В России 26 июля 2026 г. подписан Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт впервые определил понятие искусственного интеллекта на уровне федерального закона. При этом его предметом являются только большие фундаментальные модели, а об ответственности имеется лишь общая оговорка, согласно которой она регулируется в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 11) [17]. Проект закона о робототехнике и автономных системах, внесенный в Государственную Думу в мае 2026 г., профильный комитет отклонил. Поэтому вред, причиненный при использовании систем ИИ, возмещается по общим правилам главы 59 ГК РФ [6].

В доктрине обозначились две крайние позиции. Одни авторы считают классическое деликтное право непригодным для новых технологий и предлагают особые конструкции, вплоть до наделения систем ИИ правосубъектностью [13]. Другие полагают, что

традиционных инструментов вполне достаточно [21]. Л. Ю. Василевская обращает внимание на перекося в исследованиях: спор о правосубъектности ИИ занял в литературе больше места, чем собственно цивилистические вопросы возмещения вреда [4, с. 6].

Чтобы выбрать подходящую модель ответственности, сначала нужно понять, какие свойства систем ИИ действительно важны для деликтного права и какие его проблемы они обостряют. Цель статьи состоит в выявлении технико-юридических признаков систем ИИ, имеющих деликтно-правовое значение, и проблемных вопросов деликтного права России и ЕС, обостренных развитием таких систем. Первая из указанных целей требует сопоставить легальные и доктринальные определения системы ИИ и смежных понятий и выделить значимые признаки. Вторая предполагает исследование влияния этих признаков на основание и условия деликтной ответственности.

Оговоримся, что для целей настоящей статьи под основанием деликтной ответственности мы будем понимать вред, а под условиями деликтной ответственности – противоправность, причинно-следственную связь и вину.

Нормативные определения анализировались формально-юридическим методом. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить решения российского права, права ЕС, Германии и Франции, а историко-правовой – проследить реакцию деликтного права на прежние технологические вызовы. Результаты обобщались с помощью системного анализа.

В работе принят подход, согласно которому основанием деликтной ответственности служит деликт, то есть нарушение чужого субъективного права [20, с. 40]. Условиями ответственности признаются вред, противоправность, причинная связь и вина [23, с. 16]. Европейская доктрина использует сопоставимый набор категорий: вред, причинность, основание вменения (вина или строгая ответственность) и круг охраняемых интересов [37].

Результаты

Понятие системы искусственного интеллекта в легальных и доктринальных источниках

Современные легальные определения восходят к Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту 2019 г. в редакции 2024 г. [32]. Ее формула почти без изменений воспроизведена в ст. 3(1) Регламента (ЕС) 2024/1689. Система ИИ описана в ней как машинная система, способная работать с разной степенью автономности и адаптироваться после развертывания. На основе входных данных она сама определяет, как получить прогноз, контент, рекомендацию или решение, способные повлиять на физическую или виртуальную среду [33]. Пункт 12 преамбулы Регламента называет ключевой характеристикой способность системы ИИ к

выдаче результата (capability to infer). Именно она отличает систему ИИ от традиционной программы, исполняющей правила, целиком заданные человеком.

Сильная сторона европейского определения заключается в технологической нейтральности: оно охватывает любые программные решения с перечисленными функциональными свойствами. Однако заметны и значительные недостатки данного определения. Указания на разную степень автономности и на возможную адаптивность имеют оценочный характер, и Европейской комиссии пришлось издать отдельное руководство по толкованию данных признаков ИИ. Адаптивность при такой формулировке становится факкультативным признаком, хотя для деликтного права она существенна. Кроме того, определение создавалось для целей публичного регулирования, и его перенос в сферу деликтной ответственности требует осторожности [9, с. 201-202].

Российское регулирование пошло другим путем. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в первоначальной редакции связала понятие ИИ с имитацией когнитивных функций человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма [14]. Изменения 2024 г. исключили из базового определения самообучение и допустили превосходство результатов ИИ над человеческими (согласно пп. «а» п. 5 Национальной стратегии, ИИ позволяет «получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»). Тогда же в Стратегии появилось понятие модели ИИ, которая прямо квалифицирована как программа для ЭВМ или ее составная часть. Для деликтного анализа эта квалификация существенна, поскольку она прямо относит систему ИИ к объектам гражданских прав.

Федеральный закон № 243-ФЗ сохранил антропоцентричную основу определения ИИ. Согласно п. 1 ст. 3 искусственный интеллект по-прежнему определяется через имитацию когнитивных функций человека. Однако перечень таковых функций расширен. В него включены способность самостоятельно совершенствовать свои функции, повышать точность решений за счет анализа новых данных и искать решения без заранее заданного алгоритма [17]. Признак адаптивности, исключенный из Стратегии в 2024 г., вернулся в легальное определение, причем уже на уровне закона. Пункт 2 той же статьи определяет большую фундаментальную модель как программу для ЭВМ с не менее чем одним миллиардом параметров, служащую основой для другого программного обеспечения.

С позиций деликтного права антропоцентричный критерий привносит в определение понятия ИИ некоторую уязвимость. Категория когнитивных функций человека не имеет ни юридического, ни общепринятого технического содержания. Суду трудно проверить, имитирует ли программа мышление человека, и ответ никак не помогает распределить риск. Заметим, что сравнение когнитивных способностей человека и ИИ способно увести обсуждение в плоскость спора о

правосубъектности ИИ, и потому является, по мнению автора, недостатком.

Доктринальные определения можно охарактеризовать как разнообразные. В. В. Архипов и В. Б. Наумов в 2017 г. предложили строить регулирование на понятиях робота и робота-агента [2, с. 50-51]. Робот представляет собой киберфизическое устройство, тогда как система ИИ может вообще не иметь материального воплощения. От этого различия зависит характер вреда: воплощенные системы обычно причиняют вред жизни, здоровью и имуществу, невоплощенные чаще порождают трудновозместимые экономические и немущественные потери. В. А. Лаптев видит главное отличие ИИ в наличии мышления [11, с. 84] и тем самым разделяет антропоцентричный подход российского законодателя. П. М. Морхат определяет ИИ как полностью или частично автономную самоорганизующуюся систему, способную обучаться и самостоятельно принимать решения [13, с. 69]. Зарубежные исследователи ответственности более прагматичны. Х. Цех определяет ИИ через признак автономности как источника особых рисков [40]. К. Вендехорст указывает на сложность, непрозрачность, автономность и зависимость от данных, которые затрудняют применение традиционных правил и порождают информационную асимметрию [39, р. 151-153].

Сопоставление источников показывает преимущество функционального подхода. Для деликтного обязательства значимо одно обстоятельство (т.н. «опасность» ИИ): между поведением людей, участвующих в жизненном цикле системы, и вредоносным результатом лежит вычислительный процесс, который никто из них полностью не контролирует и не может точно предсказать. На этой основе для целей деликтного права предлагается рабочее определение. Система ИИ есть программная или программно-аппаратная система, которая с той или иной степенью автономности вырабатывает на основе входных данных результат в виде прогноза, контента, рекомендации, решения или физического действия, влияющий на правовую сферу третьих лиц, причем способ получения результата заранее исчерпывающе не задан и может меняться в ходе эксплуатации. Результатом системы ИИ предлагается называть любую информацию, решение, рекомендацию или действие, сформированные системой в ответ на входные данные, запрос пользователя или воздействие внешней среды.

Технико-юридические признаки систем искусственного интеллекта

Наиболее известный перечень свойств, осложняющих применение традиционного деликтного права, содержится в докладе Экспертной группы Европейской комиссии по ответственности и новым технологиям. В него вошли сложность, непрозрачность, открытость для обновлений, автономность, непредсказуемость, зависимость от данных и уязвимость [28, р. 32-34]. Российские авторы воспроизводят этот каталог с небольшими изменениями, добавляя к нему сложность создания системы и множественность вовлеченных

лиц [18; 22; 21]. Проведенный анализ позволил расширить и упорядочить эти перечни. В результате автором предлагаются восемь признаков, которые можно подразделить на две группы.

Первую группу образуют признаки, описывающие работу системы.

Автономность означает способность системы вырабатывать результат без пошаговых указаний человека. В ст. 3(1) Регламента (ЕС) 2024/1689 она названа конститутивным свойством системы ИИ. Чем самостоятельнее действует система, тем труднее связать вред с поступком конкретного человека и решить, чье поведение оценивать с точки зрения противоправности и вины [11, с. 96].

Адаптивность проявляется в том, что система меняет поведение под воздействием новых данных уже в ходе эксплуатации пользователем. Согласно ст. 7(2)(с) Директивы (ЕС) 2024/2853 при оценке дефектности принимается во внимание способность продукта продолжать обучение после выпуска на рынок [27]. Для деликтного права адаптивность создает две трудности. Неясно, на какой момент оценивать состояние системы, ведь к моменту причинения вреда она может заметно отличаться от выпущенной версии. Кроме того, ослабевают доказательственные облегчения, основанные на обычном ходе событий.

Непрозрачность часто описывают метафорой черного ящика. Ее корни прежде всего технические: поведение глубокой нейронной сети определяется миллиардами параметров и не может быть исчерпывающе объяснено даже разработчиком [22]. К этому добавляется коммерческая закрытость модели и данных, а также распределение разработки между многими участниками, ни один из которых не владеет полной картиной. Главное деликтно-правовое последствие непрозрачности связано с доказыванием – потерпевший, а нередко и суд, не может восстановить внутреннюю последовательность событий, которая привела к вреду.

Непредсказуемость результата возникает из совместного действия трех названных признаков и из вероятностной природы технологии ИИ. Даже при известных входных данных результат нельзя заранее точно предсказать. Правдоподобное, но недостоверное утверждение генеративной модели представляет собой статистически ожидаемое свойство ее работы, откуда вытекают трудности при установлении критерия предвидимости вреда, на котором строятся и вина, и причинная связь [8].

Любопытно, что несмотря на то, что указанные признаки ИИ часто называются важнейшими с точки зрения деликтного права, стоит все же отнестись к ним критически. Непрозрачность, адаптивность, непредсказуемость и автономность (даже взятые в совокупности) сами по себе вряд ли позволяют объяснить специфику ИИ с точки зрения деликтного права. Сходные характеристики могут быть обнаружены, например, в поведении несовершеннолетних, что неизбежно ставит вопрос о сравнении соответствующих режимов ответственности и о том, какие именно особенности ИИ действительно имеют юридическое значение.

Именно поэтому автор настоящей статьи предлагает выделить вторую группу признаков системы ИИ, имеющих деликтно-правовое значение. Это признаки, которые показывают, как возникает, воспроизводится и обнаруживается риск, создаваемый системой ИИ.

Пятый признак (назовем его так, следуя общей логике нумерации) касается характера контроля над источником риска. Этот контроль носит конструктивный характер. Уровень риска определяется проектными решениями: архитектурой модели, составом и качеством обучающих данных, методами тестирования, установленным допустимым остаточным риском, пределами применения и инструкциями. В ст. 7(2)(а) Директивы (ЕС) 2024/2853 среди обстоятельств оценки дефектности продукта названы его конструкция, технические характеристики и инструкции по его использованию [27]. А. Бертолини справедливо замечает, что непредсказуемость, например, животного вытекает из его природы, тогда как то же свойство технической системы порождено решением человека [24, стр. 230].

Шестой признак отражает длящийся характер контроля лица, выпустившего систему в оборот. Обычно товар после передачи покупателю выходит из сферы влияния изготовителя, тогда как система ИИ остается с ним связанной. Изготовитель выпускает обновления, дообучает модель и нередко может удаленно изменить поведение системы. Директива (ЕС) 2024/2853 уже придала этому признаку нормативную форму. Понятие контроля изготовителя раскрыто в ст. 4(5). Момент оценки дефектности смещен на время выхода продукта из-под такого контроля (ст. 7(2)(е)). Изготовитель не может сослаться на возникновение дефекта после выпуска, если дефект вызван программным обеспечением, обновлениями, их отсутствием или существенной модификацией в пределах его контроля (ст. 11(2)) [27]. В результате удлиняется период, за который отвечает изготовитель, и слабеет классическое возражение о моменте передачи товара.

Седьмой признак предлагается обозначить как тиражируемость риска. Недостаток системы ИИ принадлежит модели, поэтому одна ошибочная конфигурация параметров повторяется во всех развернутых копиях. Единственное обновление способно внести ее во все экземпляры одновременно. У материальной вещи риск обычно ограничен экземпляром или партией, поведение человека и вовсе единично. Г. Тойбнер описывает близкое явление как сетевой риск [35], а в праве ЕС на этот признак косвенно указывают нормы о взаимосвязанных продуктах и об отзыве продукции (ст. 7(2)(d) и (g) Директивы (ЕС) 2024/2853). Тиражируемость делает вред серийным, но одновременно позволяет добиться превентивного эффекта воздействием на одно лицо, разработчика модели.

Восьмой признак, неverifiedируемость результата ex post, представляет собой процессуальную проекцию непрозрачности. По наступившему результату невозможно достоверно установить, вызван ли он

недостатком системы или стал проявлением допустимого остаточного риска. Ответом европейского законодателя служит ст. 10(4) Директивы (ЕС) 2024/2853. Если истец сталкивается с чрезмерными трудностями доказывания из-за технической или научной сложности и показывает вероятность дефекта или причинной связи, суд презюмирует эти обстоятельства [27]. Данный признак требует перераспределения бремени доказывания при сохранении прежнего основания ответственности.

Две группы признаков воздействуют на разные элементы механизма деликтной ответственности. Признаки первой группы затрагивают условия ответственности. Конструктивный и делящийся характер контроля вместе с тиражируемостью риска влияют на выбор режима: они указывают, кому, за какой период и по какому основанию вменить вред. Неверифицируемость результата и отсутствие деликтоспособности системы определяют условия реализации режима. Первая требует перераспределить бремя доказывания, вторая исключает конструкции, в которых причинителем выступает сама система ИИ. Признаки, связанные с контролем и тиражируемостью, характеризуют объект, выпущенный в оборот, и поведение его создателя, то есть описывают продуктовые свойства источника риска.

Влияние признаков на основание и условия деликтной ответственности

На первый взгляд вред меньше других условий зависит от технологии. Для воплощенных систем это во многом верно: высокоавтоматизированный автомобиль или робот причиняет вред жизни, здоровью и имуществу, возмещение которого сомнений не вызывает. В целом же характер вреда смещается. С распространением ИИ в кредитовании, страховании, найме и информационной сфере растет доля вреда, к возмещению которого правопорядки относятся сдержанно или для которого механизм возмещения не сложился: вред данным, чисто экономические убытки, нематериальный, дискриминационный и репутационный вред.

Вред данным плохо укладывается в привычное разделение вреда имуществу и вреда личности. Директива (ЕС) 2024/2853 решила этот вопрос, включив в возмещаемый вред уничтожение и повреждение данных, не используемых в профессиональных целях (ст. 6(1)(с)), а также медицински подтвержденный вред психическому здоровью (ст. 6(1)(а)) [27]. В российском праве стоимость утраченных данных можно взыскать лишь как убытки по ст. 15 ГК РФ, что бесспорно. С чисто экономическими убытками ситуация еще сложнее. Французское право в силу принципа генерального деликта в целом допускает их возмещение, германское по общему правилу отказывает в деликтной защите [37, р. 208-223]. Это говорит о том, что государства-члены расходятся уже в признании такого вреда возмestimым, что подтверждается данными сравнительного исследования для Европейской комиссии [30, р. 45-60]. Российская практика формально не препятствует возмещению таких убытков, но уравни-

вает широту ст. 1064 ГК РФ строгими требованиями к доказыванию противоправности и причинной связи. Именно эти условия сильнее всего страдают от непрозрачности систем ИИ.

Компенсация морального вреда в России связана с нарушением личных нематериальных прав или нематериальных благ (ст. 151, 1099 ГК РФ). Вред от алгоритмической дискриминации носит статистический характер и часто остается незамеченным самими потерпевшими, а специального частноправового механизма защиты от дискриминации российское право не содержит. Репутационный вред от сгенерированного контента ставит вопрос о применимости ст. 152 ГК РФ к тексту, порожденному вероятностной моделью: можно ли считать его распространением сведений, и кто отвечает за такое распространение. Ко всему перечисленному добавляется серийность. Один дефект модели причиняет однородный вред неопределенному кругу лиц, и возникают вопросы о платежеспособности обязанного лица и о процессуальной форме защиты.

Противоправность в модели генерального деликта, принятой в России и Франции, по существу выводится из самого факта причинения вреда. В германском праве ее роль центральна, и оценивается поведение конкретного лица [8]. Автономность систем ИИ в корне меняет предмет оценки. Вредоносный результат системы не является поведением человека, поэтому оценивать приходится действия на более ранних стадиях жизненного цикла: при проектировании, обучении, тестировании, интеграции, развертывании, эксплуатации и сопровождении. Центр тяжести смещается с действия, непосредственно предшествовавшего вреду, на организацию деятельности.

Критерии оценки такой организации пока не устоялись. Технология, основанная на вероятностях, не позволяет полностью исключить ошибки, и вопрос о допустимой частоте сбоев не решен ни технически, ни юридически. Содержание стандарта должного поведения в значительной мере задают публично-правовые требования. В праве ЕС они подробно сформулированы для поставщиков высокорисковых систем и охватывают управление рисками, качество данных, документацию, протоколирование, прозрачность, человеческий надзор, точность, надежность, кибербезопасность и мониторинг после выпуска на рынок [33]. В России ст. 8 Федерального закона № 243-ФЗ с 1 марта 2027 г. обязывает разработчиков суверенных и национальных больших фундаментальных моделей принимать меры по обеспечению безопасности, устанавливать правила эксплуатации и вести техническую документацию [17]. Круг таких разработчиков узок, однако сами обязанности уже могут служить ориентиром при оценке поведения.

Взаимодействие деликтного и публичного права здесь асимметрично. Нарушение обязательных требований к системе ИИ должно учитываться как признак противоправности. Соблюдение всех требований само по себе противоправность не исключает. Публичное право устанавливает лишь минимальный

уровень безопасности и отстает от технологии. Адаптивность и возможность обновлений добавляют к этому длящиеся обязанности. Противоправным может оказаться бездействие разработчика после выпуска системы: отсутствие мониторинга, промедление с реакцией на инцидент, невыпуск исправления. Выпуск обновления, которое само внесло дефект, также может быть противоправным.

Пользовательские соглашения и оговорки о вероятностном характере результата влияют на ожидания пользователя и оценку его неосторожности, однако третьих лиц не связывают (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Для автономных систем, заранее запрограммированных на поведение в аварийной ситуации, значима ст. 1067 ГК РФ, позволяющая возместить вред, причиненный в состоянии крайней необходимости.

Причинная связь испытывает наиболее глубокое воздействие, и в литературе ее называют центральной проблемой ответственности за вред, причиненный при использовании систем ИИ [21]. Причинный ряд здесь многозвенный. Он проходит через формирование данных, обучение модели, ее интеграцию, развертывание, настройку и взаимодействие с пользователем. Причина вреда может находиться на любом этапе или возникнуть из несогласованности между этапами, каждый из которых в отдельности выглядит безупречно. Традиционные конструкции множественности причинителей к такой ситуации подходят плохо. Совместное причинение по ст. 1080 ГК РФ предполагает согласованность действий, тогда как участники жизненного цикла системы действуют последовательно и независимо. Альтернативная причинность, известная германскому праву (§ 830 (1) 2 Германского гражданского уложения) и Принципам европейского деликтного права (ст. 3:103), российскому законодательству неизвестна [12].

Адаптивность порождает разрыв предвидимости [1, с. 5]. Неясно, можно ли считать поведение, сложившееся в ходе дообучения, типичным следствием исходного проектирования. Вероятностная природа технологии создает еще одну трудность. Нередко удается установить лишь то, что использование системы повышает вероятность определенного класса результатов. Доказать, что конкретный вред вызван конкретным дефектом, гораздо сложнее. Принципы европейского деликтного права допускают в таких случаях пропорциональную ответственность, но ни российское право, ни большинство национальных правовых порядков ЕС такого общего правила не знают.

Заметно усложняется и возражение об альтернативном правомерном поведении. Ответчик может утверждать, что человек на месте системы допустил бы ту же ошибку. Возникает вопрос об эталоне сравнения, которым может служить исправная система того же класса, разумный профессионал или наилучшая доступная технология. При сравнении с человеком почти любой вред от системы, которая в среднем работает лучше человека, легко объявить неизбежным. Сравнение с наилучшей технологией, напротив, возлагает на

ответчика риск использования менее совершенной системы. Ни российское, ни европейское право такого эталона не устанавливает. Кибератака третьего лица тоже не всегда прерывает причинную связь: если устойчивость к предвидимым атакам входила в обязанности ответчика (ст. 15 Регламента (ЕС) 2024/1689), такое вмешательство скорее подтверждает связь между недостатком системы и вредом.

Практически решающая трудность связана с недоступностью причинного ряда для потерпевшего. Даже если причинная связь объективно существует, для ее доказывания нужны журналы событий, версии модели, обучающие данные и техническая документация. Все это находится у ответчика, часто охраняется коммерческой тайной и требует дорогостоящей экспертизы [9, с. 201-202]. Формально стороны равны, фактически потерпевший слабее.

Трудности с установлением вины производны от уже описанных. Упречным может быть проектирование и обучение системы, ее выбор для конкретной задачи, настройка и надзор, а также организация мониторинга и реакции на инциденты [21]. Специфика рассматриваемых деликтов связана с непреднамеренным вредом, которого не желал и не предвидел ни один из участников.

Стандарт заботливости для участников жизненного цикла не определен, поэтому трудно установить и его нарушение. Вероятностная природа ИИ означает, что вредоносный результат сам по себе не свидетельствует о неосторожности. Российская презумпция вины (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) помогает потерпевшему лишь отчасти. Противоправность и причинную связь ему все равно приходится доказывать, а ответчику для опровержения презумпции может хватить документации, которой у потерпевшего нет. В Германии и Франции, где общей презумпции вины нет, потерпевшему помогают доказательство *prima facie* (*Anscheinsbeweis*) и судебные презумпции вины. Оба механизма опираются на типичный ход событий, позволяющий по характеру вреда судить о ненадлежащем поведении [31, р. 176-185]. Для систем ИИ эта предпосылка исчезает, поскольку вредоносный результат возможен и при безупречном поведении всех участников.

Масштаб этих изменений лучше виден в исторической перспективе. За полтора столетия деликтное право ответило на четыре технологические волны. Железные дороги и промышленные машины привели к ответственности без вины (германский Закон 1871 г., ст. 404 ГК РСФСР 1922 г.). Автомобилизация показала, что безвиновная ответственность мало что дает при неплатежеспособности владельца, и появилось обязательное страхование. Ядерная энергетика с ее множеством поставщиков вызвала концентрацию ответственности на операторе по Венской конвенции 1963 г. Массовое производство товаров породило продуктовую ответственность по Директиве 85/374/ЕЭС и § 3 главы 59 ГК РФ.

Ни в одном из этих случаев право не создало нового условия ответственности. Перенастраивались

параметры режима деликтной ответственности. Основание вменения менялось от вины к созданию повышенной опасности и затем к недостатку товара. Субъектом ответственности последовательно становились непосредственный причинитель, владелец, изготовитель и назначенное законом лицо. Имущественное обеспечение развивалось от его отсутствия к страхованию, пределам ответственности с государственным покрытием и компенсационным фондам [20, с. 31-36; 37]. Системы ИИ отклоняются от логики прежних волн в одном существенном отношении. Раньше риск был локализуем: он был связан с определенной деятельностью, объектом или партией товара и приписывался лицу, находящемуся в известном отношении к источнику. Признаки второй группы эту связь разрушают. Лицо, определяющее поведение системы, не находится рядом с ней в момент вреда и может пребывать в другой юрисдикции. Источник риска меняется после выпуска волей того же лица, которое его создало. Один дефект проявляется одновременно во множестве копий.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют занять промежуточную позицию в споре сторонников радикального обновления деликтного права с его защитниками. Классические условия ответственности сохраняют значение, но совокупность трудностей их установления может оставить потерпевшего без защиты, а участников оборота без правовой определенности [9, с. 194]. Исторический опыт подсказывает, что ответ следует искать в перенастройке трех уже известных параметров. По этому пути пошел и европейский законодатель, сосредоточившись после отзыва специальной директивы на обновлении продуктовой ответственности.

На основе проведенного анализа автор выделяет пять проблемных вопросов современного деликтного права, которые развитие систем ИИ сделало особенно острыми.

Первый вопрос связан с разрывом между лицом, которое создает и контролирует риск, и лицом, обязанным возместить вред по действующим правилам. Классические строгие режимы привязывают ответственность к фактическому господству над источником опасности. Статья 1079 ГК РФ возлагает ее на владельца источника повышенной опасности, ст. 1068 ГК РФ на работодателя. В случае с системой ИИ такое господство распадается. Владелец устройства не выбирал архитектуру модели, не формировал данные и не может проверить ее работу. Разработчик всем этим располагает, но устройством не владеет [15, с. 165]. Экспертная группа Европейской комиссии предложила возлагать строгую ответственность на лицо, в наибольшей степени контролирующее риск [28, р. 6], а Х. Цех сформулировал принцип следования ответственности за контролем [40, р. 154]. Критерий, следовательно, известен, однако действующие режимы его не реализуют.

Второй вопрос касается доказательственного разрыва. Право ЕС ответило на него процессуальными

средствами. Директива (ЕС) 2024/2853 обязывает ответчика раскрывать относящиеся к делу доказательства (ст. 9) и вводит систему опровержимых презумпций дефектности и причинной связи (ст. 10) [27]. В российском праве подобных механизмов нет. Общие правила об истребовании доказательств (ст. 57 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ) не рассчитаны на ситуацию, когда ключевые сведения сосредоточены у ответчика и защищены его законным интересом в сохранении тайны.

Третий вопрос состоит в отсутствии эталона должного поведения и допустимого остаточного риска. Виновная ответственность требует сопоставить поведение с должным, ответственность за недостаток требует сравнить свойства продукта с ожидаемыми. Для систем ИИ оба сравнения затруднены, а выбор эталона прямо влияет на исход спора. Пока законодатель молчит, этот выбор фактически делает суд в каждом отдельном деле.

Четвертый вопрос объединяет структурный сдвиг возмещаемого вреда и его серийность. Смещение вреда к чисто экономическим убыткам, вреду данным, неимущественному и репутационному вреду обнажает различия правопорядков, которые раньше имели меньшее практическое значение. Серийность создает риск того, что совокупный вред превысит имущество обязанного лица и формально полное возмещение превратится в частичное. Индивидуальный иск плохо подходит для случаев, когда незначительный вред распределен между тысячами людей.

Пятый вопрос выражается в конкуренции деликтных режимов. К одному и тому же случаю формально применимы генеральный деликт (ст. 1064 ГК РФ), ответственность владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), ответственность за недостатки товаров, работ и услуг (ст. 1095 ГК РФ) и ответственность за действия других лиц (ст. 1068 ГК РФ). Эти режимы не соподчинены между собой, поэтому правило о приоритете специальной нормы к ним неприменимо [7, с. 317-318]. Режимы различаются кругом ответчиков, распределением бремени доказывания и основаниями освобождения, и выбор между ними отдается на усмотрение суда. Потерпевший не может заранее определить ни ответчика, ни предмет доказывания, а потенциально ответственные лица не могут оценить свой риск.

Решать эти вопросы приходится в условиях напряжения между функциями деликтной ответственности. Компенсационная и превентивная функции расходятся прежде всего по адресату. Безвиновная ответственность владельца устройства облегчает положение потерпевшего, но стимулов к безопасности у разработчика она не создает. Сам владелец повлиять на источник риска не может. Солидарная ответственность всех участников жизненного цикла гарантирует платежеспособного ответчика и одновременно размывает стимулы, поскольку каждый рассчитывает на регресс.

Превентивная функция вступает в противоречие и с распределительной. В атомном праве концентрация ответственности на операторе избавила постав-

щиков от страхования одного и того же риска, но лишила их стимулов к осмотрительности, и Австрия в 1999 г. от этой конструкции отказалась. Тиражируемость обостряет противоречие: чем масштабнее риск, тем сильнее потребность в его распределении и тем выше угроза ослабить стимулы разработчика, который один способен устранить дефект во всех экземплярах.

Компенсационная функция расходится с нейтральностью по отношению к инновациям. Ярче всего это видно на примере риска развития. Статья 11(1)(e) Директивы (ЕС) 2024/2853 освобождает экономического оператора от ответственности, если объективный уровень научно-технических знаний не позволял обнаружить дефект [27]. Российское право выбрало противоположное решение. Статья 1098 ГК РФ и п. 4 ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» такого освобождения не допускают, причем последняя норма прямо исключает ссылку на уровень научно-технических знаний [6; 16]. В этом чувствительном для ИИ вопросе российское право строже европейского.

Распределительная справедливость, в свою очередь, расходится с корректирующей. Полная коллективизация риска через фонды свела бы деликтное право к механизму социального обеспечения, а строгая индивидуализация сделала бы ответственность нереализуемой из-за доказательственного разрыва [31, р. 58-72]. Устранить это напряжение невозможно, его можно лишь упорядочить с помощью приоритетов, сформулированных в выводах ниже.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Для целей деликтного права систему искусственного интеллекта следует определять на основе функционального подхода. Антропоцентричный критерий имитации когнитивных функций человека, закрепленный в Национальной стратегии развития ИИ и в п. 1 ст. 3 Федерального закона № 243-ФЗ, не имеет проверяемого юридического содержания и косвенно наделяет техническую систему чертами субъекта. Для распределения деликтного риска существенно наличие вычислительного процесса между поведением участников жизненного цикла и вредом, что и отражают функциональные определения ОЭСР, Регламента (ЕС) 2024/1689 и этических документов ЕС и ЮНЕСКО. Поэтому систему ИИ предлагается понимать, как программную или программно-аппаратную систему, которая с той или иной степенью автономности вырабатывает на основе входных данных результат (прогноз, контент, рекомендацию, решение или физическое действие), влияющий на правовую сферу третьих лиц, причем способ получения результата исчерпывающе не задан и может изменяться в процессе эксплуатации. Понятие результата системы ИИ фиксирует, что система производит результат, тогда как поступок в правовом смысле совершает лицо, создавшее или использовавшее систему.

2. Деликтно-правовое значение имеют восемь технико-юридических признаков систем ИИ, образу-

ющих две группы. Функциональные признаки описывают работу системы и в целом признаны в доктрине и документах ЕС. К ним относятся автономность, адаптивность, непрозрачность и непредсказуемость результата. Риск-образующие признаки показывают, как возникает, воспроизводится и обнаруживается создаваемый системой риск. Это конструктивный характер контроля над источником риска, длящийся характер контроля лица, выпустившего систему в оборот, тиражируемость риска, а также неverifiedируемость результата *ex post*. Функциональные признаки по отдельности встречаются и у других источников вреда, например, у животных и малолетних. Своеобразие системы ИИ проявляется в способе возникновения риска и уже получило нормативное выражение в ст. 4(5), 7(2), 10(4) и 11(2) Директивы (ЕС) 2024/2853.

3. Две группы признаков воздействуют на разные элементы механизма деликтной ответственности. Функциональные признаки затрудняют установление условий ответственности: определение субъекта оцениваемого поведения и момента оценки, доказывание причинной связи и вины, применение критерия предвидимости. Конструктивный и длящийся характер контроля и тиражируемость риска определяют выбор режима, поскольку указывают, кому, за какой период и по какому основанию вменить вред. Неverifiedируемость результата и отсутствие деликтоспособности системы влияют на условия реализации режима. Первая требует перераспределения бремени доказывания, вторая исключает конструкции, в которых система выступает самостоятельным субъектом ответственности. Признаки, связанные с контролем и тиражируемостью, характеризуют продукт и поведение его создателя, что делает перспективной продуктовую логику вменения. Система ИИ остается объектом права, поскольку признание ее субъектом не решает компенсационной задачи и лишает ответственность превентивной адресности.

4. Признаки систем ИИ не порождают нового условия деликтной ответственности. Вред, противоправность, причинная связь и вина сохраняют значение, но установление каждого из них деформируется. Вред смещается в слабо защищенные области и приобретает серийный характер. Противоправность оценивается применительно к организации деятельности на всех стадиях жизненного цикла, причем соблюдение публично-правовых требований ее не исключает. Причинная связь становится многозвенной, вероятностной и недоступной для исследования потерпевшим. Вина утрачивает опору в виде определенного стандарта заботливости и типичного хода событий. Как и прежде, ответ права лежит в перенастройке основания вменения, субъекта ответственности и имущественного обеспечения, но с учетом утраты локализуемости риска, которую объясняют признаки второй группы.

5. Развитие систем ИИ обостряет пять проблемных вопросов современного деликтного права России и ЕС. Первый состоит в разрыве между лицом, контролирующим риск, то есть разработчиком модели, и лицом, обязанным по действующим правилам, то

есть владельцем устройства или работодателем. Второй выражается в доказательственном разрыве. Право ЕС отвечает на него обязанностью раскрытия доказательств и презумпциями (ст. 9, 10 Директивы (ЕС) 2024/2853), в российском праве таких средств нет, а презумпция вины по п. 2 ст. 1064 ГК РФ не освобождает потерпевшего от доказывания противоправности и причинной связи. Третий касается отсутствия эталона должного поведения и допустимого остаточного риска. Четвертый объединяет структурный сдвиг возмещаемого вреда с его серийностью. Пятый связан с конкуренцией не соподчиненных деликтных режимов (ст. 1064, 1068, 1079, 1095 ГК РФ), из-за которой правовая проблема приобретает квалификационный характер.

6. Решение названных вопросов осложняется неустранимым напряжением между функциями деликтной ответственности. Компенсационная и превентивная функции расходятся по адресату ответственности. Превентивная функция противоречит распределительной, поскольку коллективизация риска ослабляет стимулы разработчика, который один может устранить дефект во всех копиях системы. Компенсация расходится с нейтральностью по отношению к инновациям, что ярко проявляется в противоположных решениях о риске развития в ст. 11(1)(е) Директивы (ЕС) 2024/2853 и п. 4 ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей». Упорядочить его позволяет расстановка приоритетов. При расхождении компенсации и превенции следует менять адресата ответственности, сохраняя ее строгость. Страхование и фонды уместны как дополнение к индивидуальной ответственности. Нейтральность к инновациям обеспечивается предсказуемостью условий ответственности и имущественным обеспечением.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

Заключение. Проведенное исследование показало, что спор о готовности деликтного права к появлению систем ИИ нуждается в более точной постановке проблем. Выделенные признаки показывают, какие элементы механизма ответственности испытывают давление и почему. Большая часть трудностей связана с тем, что риск, создаваемый системой ИИ, закладывается на стадии проектирования, сохраняется под контролем разработчика после выпуска и воспроизводится во множестве копий.

Сопоставление права России и ЕС выявило различие стратегий. Европейский союз сделал ставку на обновленную продуктовую ответственность с развитыми процессуальными средствами. Российское право опирается на общие нормы главы 59 ГК РФ, а Федеральный закон № 243-ФЗ, закрепив легальное определение ИИ, обязанности разработчиков больших фундаментальных моделей и их право страховать ответственность (п. 5 ст. 7), вопросы распределения деликтного риска пока не решает.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований. Следующий шаг состоит в сравнительной проверке виновных и строгих режимов ответственности по критериям реальности компенсации, превентивной адресности, справедливого распределения риска, правовой определенности и нейтральности к развитию оборота. Уже сейчас можно предположить, что российскому законодателю потребуются ввести механизмы раскрытия доказательств и опровержимые презумпции, сопоставимые с европейскими, а также определить ориентиры допустимого остаточного риска для систем ИИ.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

1. Архиреев, Н. В. Искусственный интеллект и автономные устройства: правовые аспекты регулирования [Текст] / Н. В. Архиреев // *Хозяйство и право*. - 2026. - № 1. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-1-22-37 EDN: NONXRH
2. Архипов, В. В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике [Текст] / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // *Труды СПИИРАН*. - 2017. - № 6 (55). - С. 46-62. DOI: 10.15622/sp.55.2 EDN: ZVMTMP
3. Бахтеев, Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред [Текст] / Д. В. Бахтеев // *Lex russica*. - 2024. - Т. 77. - № 4. - С. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023 EDN: ULESCY
4. Василевская, Л. Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность [Текст] / Л. Ю. Василевская // *Гражданское право*. - 2023. - № 2.
5. Гаджиев, Г. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? [Текст] / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. - 2018. - № 4. - С. 24-48. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48 EDN: PVWZMM
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ; (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Текст] // *Собрание законодательства РФ*. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 1996. - № 5. - Ст. 410.
7. *Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4: Отдельные виды обязательств* [Текст] / под ред. Е. А. Суханова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2023.
8. Евстигнеев, Э. А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве [Текст] / Э. А. Евстигнеев // *Вестник гражданского права*. - 2020. - Т. 20. - № 1. - С. 33-59. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59 EDN: CNFQXL
9. Иноземцев, М. И. Ответственность за вред, причиненный с использованием технологии искусственного интеллекта: проблемы и перспективы европейской гармонизации [Текст] / М. И. Иноземцев, С. К. Степанов // *Закон*. - 2026. - № 7. DOI: 10.37239/0869-4400-2026-23-7-193-203 EDN: UPSYOW
10. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: принят 26.10.2021. - Режим доступа: <https://ethics.a-ai.ru>.
11. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу [Текст] / В. А. Лаптев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. - 2019. - № 2. - С. 79-102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102 EDN: GQATHO
12. Лухманов, М. И. Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности [Текст]: дис.... канд. юрид. наук: 5.1.3 / М. И. Лухманов. - М., 2022. EDN: CQVGON
13. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд [Текст] / П. М. Морхат. - М.: Буки Веди, 2017. ISBN: 978-5-4465-1774-9 EDN: UNYDFF
14. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Текст]: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124) // *Собрание законодательства РФ*. - 2019. - № 41. - Ст. 5700.
15. Никитенко, С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта [Текст] / С. В. Никитенко // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. - 2023. - № 1. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174 EDN: LSGWNU
16. О защите прав потребителей [Текст]: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // *Ведомости СНД и ВС РФ*. - 1992. - № 15. - Ст. 766.
17. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
18. Селиванова, Е. С. Юридически значимые признаки искусственного интеллекта и их влияние на правовой статус решений, принимаемых интеллектуальными системами [Текст] / Е. С. Селиванова, А. С. Кононий // *Право и управление. XXI век*. - 2025. - № 3 (76). - С. 49-61. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-3-76-49-61 EDN: UTIQMM
19. Сеницын, С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации: опыт междисциплинарного и отраслевого исследования [Текст]: монография / С. А. Сеницын. - М.: Инфотропик Медиа, 2021.
20. Смирнов, В. Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве [Текст]: учеб. пособие / В. Т. Смирнов, А. А. Собчак. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
21. Харитонова, Ю. С. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы [Текст] / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина, Ф. Паньини // *Вестник*

Пермского университета. Юридические науки. - 2022. - № 4. - С. 683-708. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-683-708 EDN: PPVMZR

22. Харитонова, Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта [Текст] / Ю. С. Харитонова // *Journal of Digital Technologies and Law*. - 2023. - Т. 1. - № 2. - С. 337-358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14 EDN: DXNWHV

23. Шевченко, А. С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве [Текст]: учеб. пособие / А. С. Шевченко, Г. Н. Шевченко. - М.: Статут, 2013.

24. Bertolini, A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules [Text] / A. Bertolini // *Law, Innovation and Technology*. - 2013. - Vol. 5. - No. 2. - P. 214-247. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214

25. Bryson, J. J. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons [Text] / J. J. Bryson, M. E. Diamantis, T. D. Grant // *Artificial Intelligence and Law*. - 2017. - Vol. 25. - P. 273-291. DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9 EDN: QLMZEW

26. Chesterman, S. Artificial Intelligence and the Limits of Legal Personality [Text] / S. Chesterman // *International and Comparative Law Quarterly*. - 2020. - Vol. 69. - No. 4. - P. 819-844. DOI: 10.1017/S0020589320000366 EDN: BDQNRD

27. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC [Electronic resource] // *Official Journal of the European Union*. - L series. - 18.11.2024. - Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj>.

28. Expert Group on Liability and New Technologies (New Technologies Formation). Liability for Artificial Intelligence and Other Emerging Digital Technologies [Text]. - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019.

29. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI [Electronic resource]. - Brussels: European Commission, 2019. - Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>.

30. Karner, E. Comparative Law Study on Civil Liability for Artificial Intelligence [Text] / E. Karner, B. A. Koch, M. A. Geistfeld. - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. DOI: 10.1515/9783110775402

31. Koziol, H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective [Text] / H. Koziol. - Wien: Jan Sramek Verlag, 2012. DOI: 10.52018/INKA-00085-K000

32. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence: OECD/LEGAL/0449 [Electronic resource]: adopted on 22.05.2019, amended on 03.05.2024. - Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

33. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Electronic resource] // *Official Journal of the European Union*. - L series. - 12.07.2024. - Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.

34. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence [Text] // *Official Journal of the European Union*. - L series. - 24.07.2026.

35. Teubner, G. Digitale Rechtssubjekte? Zum privatrechtlichen Status autonomer Softwareagenten [Text] / G. Teubner // *Ancilla Iuris*. - 2018. - S. 35-78.

36. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource]: adopted on 23.11.2021. - Paris: UNESCO, 2022. - Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137>.

37. Van Dam, C. European Tort Law [Text] / C. van Dam. - 2nd ed. - Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199672264.001.0001

38. Wagner, G. Robot, Inc.: Personhood for Autonomous Systems? [Text] / G. Wagner // *Fordham Law Review*. - 2019. - Vol. 88. - No. 2. - P. 591-612.

39. Wendehorst, C. Strict Liability for AI and other Emerging Technologies [Text] / C. Wendehorst // *Journal of European Tort Law*. - 2020. - Vol. 11. - No. 2. - P. 150-180. DOI: 10.1515/jetl-2020-0140 EDN: ALOPYN

40. Zech, H. Liability for AI: Public Policy Considerations [Text] / H. Zech // *ERA Forum*. - 2021. - Vol. 22. - Issue 1. - P. 147-158. DOI: 10.1007/s12027-020-00648-0 EDN: MLKAUN

References

1. Hierarchs, N. V. Artificial intelligence and autonomous devices: legal aspects of regulation [Text] / N. V. Hierarchs // *Economy and law*. - 2026. - No. 1. Identification number: 10.18572/0134-2398-2026-1-22-37 EDITED number: DOES NOT APPLY TO RH

2. Arkhipov, V. V. Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of Russia's first law on robotics [Text] / V. V. Arkhipov, V. B. Naumov // *Proceedings of the Institute of International Relations*. - 2017. - № 6 (55). - Pp. 46-62. DOI: 10.15622/sp.55.2 ED.: ZVMTMP

3. Bakhteev, D. V. The legal status of artificial intelligence systems and models of differentiation of legal liability for harm caused by them [Text] / D. V. Bakhteev // *on Lex russica*. - 2024. - Vol. 77. - No. 4. - pp. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023 EDITED: ULESKI

4. Vasilevskaya, L. Y. Code of Ethics for artificial intelligence: legal myth and reality [Text] / L. Y. Vasilevskaya // *Civil law*. - 2023. - № 2.

5. Gadzhiev, G. A. Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)? [Text] / G. A. Gadzhiev, E. A. Voynikanis // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. - 2018. - No. 4. - pp. 24-48. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48 EDN: PVWZMM

6. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ; (Part Two) of 01/26/1996 No. 14-FZ [Text] // *Collection of legislation of the Russian Federation*. - 1994. - No. 32. - Art. 3301; 1996. - № 5. - Article 410.

7. Civil law: textbook: in 4 volumes vol. 4: Certain types of obligations [Text] / edited by E. A. Sukhanov. - 3rd ed., reprint. and add. - M.: Statute, 2023.

8. Evstigneev, E. A. Questions of the correlation of guilt and causality in tort law [Text] / E. A. Evstigneev // *Bulletin of Civil Law*. - 2020. - Vol. 20. - No. 1. - pp. 33-59. Identification number: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59 EDITED number: CNFQXL

9. Inozemtsev, M. I. Responsibility for harm caused by the use of artificial intelligence technology: problems and prospects of European harmonization [Text] / M. I. Inozemtsev, S. K. Stepanov // Law. - 2026. - No. 7. Identification number: 10.37239/0869-4400-2026-23-7-193-203 EDITED number: still
10. Notes on the Internet [Electronic resource]: published on 10/26/2021. - Access mode: <https://ethics.a-ai.ru>.
11. Laptev, V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work [Text] / V. A. Laptev // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2019. - No. 2. - pp. 79-102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102 EDN: GQATHO
12. Lukhmanov, M. I. Model of tort liability in situations of alternative causal uncertainty [Text]: dissertation of the cand. jurid. Sciences: 5.1.3 / M. I. Lukhmanov, Moscow, 2022. EDN: CQVGOH (ed.)
13. Morkhat, P.M. Artificial intelligence: a legal view [Text] / P.M. Morkhat, Moscow: Buki Vedi, 2017. ISBN: 978-5-4465-1774-9 ED.: UNIDFF
14. National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 [Text]: approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated 10.10.2019 (as amended Decree of the President of the Russian Federation dated 02/15/2024 No. 124) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2019. - No. 41. - Art. 5700.
15. Nikitenko, S. V. Concepts of tort liability for harm caused by artificial intelligence systems [Text] / S. V. Nikitenko // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2023. - No. 1. Identification number: 10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174 EDITED number: LSGWNU
16. On consumer rights protection [Text]: The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. - 1992. - No. 15. - Art. 766.
17. On support for the development of artificial intelligence technologies in the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 243-FZ dated 07.26.2026 // Official Internet portal of Legal Information. - Access mode: <http://pravo.gov.ru>.
18. Selivanova, E. S. Legally significant signs of artificial intelligence and their impact on the legal status of decisions made by intelligent systems [Text] / E. S. Selivanova, A. S. Konopiy // Law and Management. The 21st century. - 2025. - № 3 (76). - Pp. 49-61. Identification number: 10.24833/2073-8420-2025-3-76-49-61 EDITED number: UTIQMM
19. Sinitsyn, S. A. Russian and foreign civil law in the context of robotization and digitalization: the experience of interdisciplinary and industry research [Text]: monograph / S. A. Sinitsyn. Moscow: Infotropik Media, 2021.
20. Smirnov, V. T. The general doctrine of tort obligations in Soviet civil law [Text]: textbook. manual / V. T. Smirnov, A. A. Sobchak. - L.: Publishing House of the Leningrad University, 1983.
21. Kharitonova, Yu.S. Civil liability in the development and application of artificial intelligence and robotics systems: basic approaches [Text] / Yu.S. Kharitonova, V. S. Savina, F. Panini // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2022. - No. 4. - pp. 683-708. Identification number: 10.17072/1995-4190-2022-58-683-708 EDITED number: PPMZMR
22. Kharitonova, E. S. Guidelines for evaluating the effectiveness of public administration [Text] / E. S. Kharitonova // Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - Vol. 1. - No. 2. - pp. 337-358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14 EDITED number: DXNWHV
23. Shevchenko, A. S. Tort obligations in Russian civil law [Text]: textbook. the manual / A. S. Shevchenko, G. N. Shevchenko. - M.: Statute, 2013.
24. Bertolini, A. Robots as products: Arguments in favor of a realistic analysis of the use of robots and rules of responsibility [Text] / A. Bertolini // Law, innovation and technology. - 2013. - Volume 5. - No. 2. - pp. 214-247. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214
25. Bryson, J. J. On behalf of people and through people: the legal gap of synthetic personalities [Text] / J. J. Bryson, M. E. Diamantis, T. D. Grant // Artificial intelligence and law. - 2017. - Volume 25. - pp. 273-291. DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9 EMAIL address: QLMZEW
26. Chesterman, S. Artificial intelligence and the limits of legal personality [Text] / S. Chesterman // International and Comparative Law quarterly. - 2020. - Volume 69. - No. 4. - pp. 819-844. Identification number: 10.1017/S0020589320000366 EDITED number: BDQNRD
27. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. - Series L. - 11/18/2024. - Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj>.
28. The Group of Experts on Responsibility and New Technologies (New Technologies Formation). Responsibility for artificial intelligence and other new digital technologies [Text]. Luxembourg: Publishing Office of the European Union, 2019.29. High-level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guide for trustworthy AI [Electronic resource]. - Brussels: European Commission, 2019. - Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>.
29. Karner, E. Comparative legal study of civil liability for artificial intelligence [Text] / E. Karner, B. A. Koch, M. A. Geistfeld. Luxembourg: Publishing House of the European Union, 2021. DOI: 10.1515/9783110775402
30. Koziol, H. Basic issues of tort law from the point of view of Germany [Text] / H. Koziol. - Vienna: Jan Sramek Verlag, 2012. DOI: 10.52018/INKA-00085-K000
31. The OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence: OECD/LEGAL/0449 [Electronic resource]: adopted on 22.05.2019, amended on 03.05.2024. - Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>
32. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of June 13, 2024, establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. - Series L. - 07/12/2024. - Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.
33. Resolution (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of July 8, 2026 on amendments to Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 concerning the simplification of the application of harmonized rules in the field of artificial intelligence [Text] // Official Journal of the European Union. - Series L. - 07/24/2026.
34. Teubner, G. Digital technologies as an object? To obtain the status of an autonomous software agent [Text] / G. Teubner // Ancilla Iuris. - 2018. - pp. 35-78.
35. UNESCO. Recommendation on the ethics of artificial intelligence [Electronic resource]: adopted on 11/23/2021. - Paris: UNESCO, 2022. - Available at:

-
- <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> 37. Van Dam, K. *European tort law* [Text] / K. Van Dam. - 2nd ed. - Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199672264.001.0001
38. Wagner, G. *Robot, Inc.: Identity for autonomous systems?* [Text] / G. Wagner // *Fordham Law Review*. - 2019. - Volume 88. - No. 2. - pp. 591-612.
39. Wendehorst, S. *Strict responsibility for artificial intelligence and other new technologies* [Text] / S. Wendehorst // *Journal of European Tort Law*. - 2020. - Volume 11. - No. 2. - pp. 150-180. DOI: 10.1515/jetl-2020-0140 edited by: ALOPIN
40. Zeh, H. *Responsibility for AI: considerations of public policy* [Text] / H. Zeh // *ERA Forum*. - 2021. - Volume 22. - Issue 1. - pp. 147-158. DOI: 10.1007/s12027-020-00648-0 EMAIL address: MLCOUN

Информация об авторе:

Алимова Александра Ашрафовна, аспирант кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, e-mail: alealimova@yandex.ru

Aleksandra A. Alimova, post-graduate student of the S. N. Lebedev Department of Private International and Civil Law, MGIMO University

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.08.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.